

А.А. ГРИЦЕНКО, д.э.н., профессор,
Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ И ЕГО РОЛЬ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

В настоящее время институциональные исследования в Украине бурно развиваются. Публикуются статьи, индивидуальные и коллективные монографии, защищаются кандидатские и докторские диссертации, на регулярной основе проводятся конференции, создана Международная ассоциация институциональных исследований, специалисты по данной проблематике работают в Киеве, Донецке, Харькове, Днепропетровске, Одессе, Львове и других городах Украины. Между тем, первая докторская диссертация по институциональной проблематике была защищена в Украине лишь десять лет назад представителем харьковской экономической школы [1].

Развитие институционального направления буквально выстрадано Украиной, где в начале процесса рыночной трансформации господствовали неоклассические подходы, ставшие одним из факторов длительного трансформационного кризиса и экономического спада, последствия которого не преодолены полностью до сих пор. Рекомендации МВФ, которым следовала Украина, базировавшиеся на Вашингтонском консенсусе, были неадекватны институциональным условиям Украины, и следование им привело вовсе не к тем экономическим последствиям, на которые рассчитывали. И это не случайность. В. Полтерович отмечает, что «реформы, проведенные в ряде стран Латинской Америки по рецептам Вашингтонского консенсуса, не дали ожидаемого эффекта, Скорее наоборот. После поспешного и непродуманного дерегулирования финансовых рынков в этих странах разразились тяжелые финансовые кризисы.... Что касается результатов применения Вашингтонского консенсуса в переходных экономиках, то они оказались совершенно обескураживающими» [2].

То, чего недоставало для адекватного понимания экономических процессов, происходящих в странах с переходной экономикой, заключалось в осознании институциональных условий экономических преобразований и их модифицирующего влияния на содержание трансформаций. Осознание этого недостатка и попытка его преодоления вылились в бурный всплеск интереса к институциональной проблематике. Развитие этого направления вышло на первый план. Институциональный анализ

начал применяться к все более разнообразным задачам. Методологическое обоснование такой подход получил в концепции институциональной архитектуры, которая рассматривает не отдельные проблемы, а всю социальную целостность в институциональном аспекте [3]. Это дало возможность расширить пределы институционального анализа и получить новые результаты. Вместе с тем возникли опасения, что институционализм вытесняет собственно экономический анализ и заходит в сферы, где более адекватными являются другие подходы.

По аналогии с категорией экономического империализма, распространяющего экономические подходы на разные неэкономические сферы и выражающегося в «популярном среди современных экономистов стремлении видеть везде и всюду один только рынок («брачный рынок», коррупционный рынок» и т.д.), который-де есть наиболее естественная форма человеческих взаимоотношений» [4], стремление везде увидеть институты можно назвать институциональным империализмом.

В данной статье ставится задача оценить место и роль институционального империализма в экономической теории и показать механизм интегрирования институциональных подходов в содержание экономического анализа.

Для решения этой задачи необходимо хотя бы кратко рассмотреть соотношение институционализма с другими основными течениями экономической мысли. В настоящее время, несмотря на огромное разнообразие исходных посылок, содержательных подходов, теорий, позиций, точек зрения, существует согласие относительно основных современных направлений теоретической мысли: неоклассического, кейнсианства и институционализма. Почему именно эти направления являются основными? Сложилось ли в результате достижений выдающихся ученых, или без них развитие теории пошло бы иначе? Или это объективная закономерность развития познания экономики?

Неоклассическое направление представляет собой современное выражение классических подходов, базирующихся на признании действия «естественных», объективных законов, не зависящих от воли и сознания людей,

© А.А. Гриценко, 2008

невмешательства государства в естественный экономический порядок; концепции «экономического человека», предполагающей преследование человеком своих эгоистичных интересов, результатом чего вследствие игры рыночных сил является общее благополучие; необходимости обеспечения экономической свободы, базирующейся на частной собственности, и полноты информации.

Однако реализация этих принципов на стадии крупного машинного производства, когда действие рыночных сил формирует материально-техническую структуру экономики, которая не может быть изменена быстро, и оно же приводит к необходимости периодической корректировки этой структуры, порождает глубокие экономические кризисы, разрушительно действующие на экономику и общество. Это особенно ярко проявилось в конце 20-х – начале 30-х годов XX века и вызвало к жизни противоположные подходы, наиболее ярким выразителем которых стал Д.М.Кейнс, обосновавший необходимость государственного вмешательства в экономику и предложивший его механизм. С тех пор идет постоянная борьба сторонников неоклассического и кейнсианского направлений, происходит определенная историческая актуализация (в зависимости от состояния и проблем экономики) то одного, то другого подходов.

Другой реакцией на несовершенство неоклассики было формирование институционализма, который классической концепции самонастраивающейся экономики противопоставил систему взглядов на нее как на эволюционный процесс смены хозяйственных форм и институтов. «Под институтами понимался образ мышления и действия, закрепившийся в привычках, обычаях, нормах поведения социальных групп и общностей, а также в законодательных установках. Это установившийся порядок вещей, закрепленный в форме обычая, закона или учреждения» [5]. Экономические процессы протекают в определенных институциональных условиях. Поэтому необходимо учитывать не только экономические, но и другие (социальные, политические, правовые, психологические и пр.) факторы. Отсюда проистекает необходимость междисциплинарного подхода, который получил особо широкое развитие в наше время.

Если проанализировать соотношение трех основных течений с реальным предметом исследования, то увидим, что они образуют необходимые предпосылки и моменты познания предмета в его целостности и изменчиво-

сти. Неоклассическое направление постигает внутренние закономерности предмета самого по себе, в которых действия субъективных факторов нивелировано общим результатом, кейнсианство включает в анализ субъективное воздействие государства, модифицирующее протекание экономических процессов. При этом имеется в виду, что исходные условия действия субъектов хозяйствования (правила поведения, нормы, ценностные ориентиры и т.д.) остаются неизменными. Наконец, институционализм исследует сами условия протекания экономических процессов (существующую среду, правила, нормы деятельности, установки, ценностные ориентиры, законодательство, учреждения и т.д.).

Неоклассические положения верны только в том случае, если экономические процессы продолжают протекать в тех институциональных условиях, при которых они сформировались. Если же условия изменились, то необходимо изучать, как это изменяет содержание и формы экономических процессов. В частности, эксперименты «убедительно показали, что эффект равновесия, реализуемого рыночными механизмами, зависит от конкретных институтов» [6]. Тем не менее, неоклассический подход является основополагающим, ибо он определяет содержание экономических процессов, видоизменяемых институциональными (в том числе кейнсианскими) условиями. В этом смысле можно согласиться с выводом И.Рудаковой, сделанным на базе анализа потенциала и научной критики основного течения экономической теории: «Неоклассическая теория не универсальна для всех случаев экономической жизни. Естественно, она не объясняет многих явлений, которые раньше не существовали, были скрыты, не представлялись значимыми. Но базовые принципы и методы исследования теорий основного течения устанавливают отправные точки для движения теоретической мысли, остаются источником появления новых и совершенствования старых научных версий в направлении, подсказанном не в последнюю очередь критикой. Все это говорит о значительном потенциале неоклассической экономической теории» [7].

Усиление в настоящее время динамизма общественного развития ведет к двоякого рода последствиям. С одной стороны, возрастание темпа изменения институтов, которые по своему существу не могут меняться быстро (естественной единицей их измерения является поколение) [3], ведет к институциональным разрывам, потере преемственности, возрастанию

девиаций в поведении. С другой – возникает ситуация, когда изменения содержания экономических процессов еще не познаны, а применение старых научных установок нередко приводит к отрицательным результатам. Это производит впечатление перманентного кризиса экономической теории и требует иной организации научной деятельности, обеспечивающей соединение фундаментальных и прикладных разработок с привязкой к состоянию конкретного объекта и времени.

О кризисе экономической теории говорят давно и много, начиная с нобелевских лауреатов и заканчивая начинающими аспирантами. Ему посвящены специальные работы [8]. В.Полтерович исходит из того, что состояние теории является «кризисным, если доказано или весьма правдоподобно, что поставленные ею задачи не могут быть решены принятыми в теории методами». Он выделяет несколько важнейших аспектов развития экономической теории (усовершенствование математического инструментария, углубленное исследование и обобщение базовых моделей, охват теорией новых сфер экономической жизни, накопление эмпирических данных, изменение «стандарта строгости», коллективный характер обобщающих работ, «поведенческий переворот» в теоретической макроэкономике, организационный рост) и приходит к выводу о том, что «наиболее общие теоретические результаты носят в определенном смысле негативный характер – это заключения, утверждающие в явном или неявном виде, что в рассматриваемых теориях не хватает постулатов для того, чтобы получить ответы на поставленные вопросы», демонстрируя справедливость этого положения на теориях социального выбора, общего равновесия, экономической динамики, финансовых рынков и др.

Рассматривая некоторые пути выхода из кризиса, В.Полтерович говорит о том, что снятие претензий экономической теории на открытие универсальных законов могло бы способствовать разрешению существующих коллизий [8]. Такой подход вытекает из развития науки в пространстве и времени путем обобщений фактов, касающихся новых сфер, процессов и т.д. Теория приобретает разветвленный сетевой характер, а исходные основания остаются неизменными или теряют значение. Однако реальное движение и, соответственно, познание движутся таким образом, что вместе с усложнением и обогащением объекта, его конкретизацией, относительно выделяются и обособляются, абстрагируются более общие черты, ко-

торые были незаметны, неактуальны ранее. То есть предмет развивается не только вширь, но и в глубину, появляются не только новые конкретные теории, но и открываются более общие закономерности, познаются наиболее фундаментальные черты.

Пространством, которое создает возможности как конкретизации экономического знания, так и выяснения более фундаментальных характеристик объекта, является институциональное поле, определяющее и модифицирующее содержание экономических процессов. Если действуют свободные независимые субъекты хозяйственной деятельности в условиях совершенной конкуренции, то ценообразование будет иметь один механизм. Если в формировании цен вмешивается такой институт, как государство, то механизм ценообразования будет другой. Институты определяют протекание экономических процессов, не входя непосредственно в их содержание.

Всякое определение представляет собой двойное отрицание: выход за пределы предмета, обнаружение того, что за этими пределами его уже нет, и возвращение к предмету, но теперь уже как определенному в результате двойного отрицания предмету. Экономический процесс принимает форму, придаваемую ему институтами.

Это можно сравнить с соотношением стоимости и потребительной стоимости. Потребительная стоимость сама по себе не является предметом экономической теории, но она в него входит в отрицательном определении, как не ее предмет, придавая этому отношению определенную форму. Например, различия между основным и оборотным капиталом возникает из материальной формы (станки, оборудование или сырье, материалы и т.д.), придающей капиталу то или иное качество, т.е. различие проистекает из потребительной стоимости, модифицирующей стоимость и капитал.

Все многообразие экономических отношений в различных сферах и сегментах хозяйства (сетевая, новая, военная экономика, потребительский выбор, ценообразование и пр.) возникает из изменения институционального поля, в котором эти отношения складываются. А поскольку в современном обществе институциональные условия достаточно динамично изменяются, постольку возникает необходимость в постоянном институциональном анализе, призванном дать ключ к пониманию модификации содержания экономических процессов. В этом состоит объективная основа институционального империализма.

Но сам институциональный империализм имеет как положительную, так и отрицательную сторону. Положительная состоит в том, что он дает ключ к познанию изменений экономических процессов. А отрицательная заключается в том, что институциональный анализ в силу своей значимости часто обособляется от экономического, приобретает самодовлеющий характер и часто подменяет экономический анализ.

Классической базовой проблемой экономической теории является стоимость. Исторически она разрешалась на основе двух основных подходов: маржинализма и трудовой теории. Оба направления в настоящее время находятся в кризисном состоянии, так как не могут объяснить современные процессы и явления и нуждаются в обновлении. Предстоит переосмыслить исходный пункт экономической теории – стоимость – как определенную форму пространственной локализации экономического времени, позволяющую рассматривать ее маржинальную и трудовую интерпретацию как частные случаи бытия экономического пространства-времени, что открывает принципиально новые возможности в теоретическом воспроизведении системы хозяйствования и практического ее совершенствования [9].

Если человек, например, во время пожара может спасти только один из полезных предметов, то он, безусловно, будет спасать более полезный. Если же выяснится, что они в одинаковой мере полезны, то будет выбран тот, на воспроизводство которого необходимо больше затрат труда и, соответственно, времени. В первом случае работает маржинальный принцип, во втором – принцип трудовой теории стоимости в своем зачаточном состоянии.

Если в условиях натурального хозяйства человек хочет иметь какое-то дополнительное благо, то он должен затратить время на его изготовление, т.е. превратить часть своего свободного времени в рабочее и на протяжении этого времени создать указанное благо. Если же свободного времени нет, то необходимо отказаться от изготовления других благ, на которые затрачивается эквивалентное количество рабочего времени. В сокращенном формализованном виде это можно выразить так:

$$G_A = t_{WA} \leq t_f \leq t_{WB} = G_B,$$

где G_A – полезность блага А, от изготовления которого отказываются для того, чтобы освободить время для производства блага В; G_B

– полезность блага В; t_{WA} – рабочее время, необходимое для производства блага А; t_f – свободное время (высвобождение из производства блага А); t_{WB} – рабочее время, необходимое для производства блага В.

$G_A = t_{WA}$ означает эквивалентность полезности блага А рабочему времени, необходимому для его изготовления. $t_{WA} \leq t_f$ показывает, что предпочтение отдается свободному времени по сравнению с рабочим временем, которое используется на производство блага А, при этом количественно свободное время равно рабочему. $t_f \leq t_{WB}$ означает, что предпочтение отдается рабочему времени, необходимому для изготовления блага В по сравнению со свободным временем (высвобожденным из производства блага А), хотя количественно они равны. $t_{WB} = G_B$ свидетельствует об эквивалентности полезности блага В рабочему времени, необходимому для его изготовления.

В приведенных формулах принципы маржинализма и трудовой теории стоимости в ее зачаточном виде применяются и поочередно, и одновременно. Они переплетаются в потоке экономических преобразований. Без них невозможно понять все слагаемые этого процесса.

Если в процессе формирования стоимости в ее классической форме переход осуществляется от индивидуального рабочего времени к усредненному и овеществленному, то исторический процесс прехождения трудовой стоимости идет в обратном порядке: сначала диалектически снимается овеществление (это связано с переходом к постиндустриальному обществу, где большая часть валового внутреннего продукта производится в виде услуг, которые не имеют овеществленной формы), потом отделяются затраты труда от времени воспроизводства, и, наконец, усредненное время воспроизводства блага (услуги) снимается индивидуальным.

При таком подходе стоимость рассматривается как процесс, в котором ее субстанция – общественное время – проходит разные исторические формообразования. Классическое определение стоимости в трудовой теории является адекватным индустриальной рыночной экономике, но вместе с тем оно есть ключ к познанию предшествующих и будущих исторических форм. В свою очередь трудовая теория стоимости является исторической формой социально-временной теории стоимости, которая рассматривает социальное время и пространство как взаимопереходящие характеристики единой экономической реальности.

Естествознание уже давно оперирует понятием пространства-времени, в котором казалось бы независимые и самостоятельные характеристики превращаются лишь в разные измерения единой реальности. В исследовании экономической действительности понятия пространства и времени использовались всегда достаточно активно, но преимущественно в традиционном, обыденном значении. Однако сама экономическая деятельность, в основе которой исторически лежит труд человека, изначально является способом взаимопревращения времени и пространства в особые социально-экономические формы бытия.

В процессе трудовой деятельности человек осваивает естественное пространство, затрачивая на это время своей жизнедеятельности и создавая, таким образом, особые трансформы экономического пространства-времени. Эти трансформы преодолевают естественную ограниченность пространства и времени. Наиболее развитой трансформой пространства – времени является стоимость.

В соответствии с трудовой теорией стоимость представляет собой затраты общественно-необходимого времени труда, воплощенные в товаре. Это есть время, ставшее пространством товара, или пространство, измеренное временем и состоящее из него. Однако совпадение экономического пространства-времени с естественным пространством товара и физическим временем труда носит исторический характер. По мере того, как труд перестает быть главным фактором производства вещественного богатства, время воспроизводства блага обособляется от времени труда, а пространственное бытие времени выделяется из естественного пространства товарного мира. Первоначально это движение связано с возникновением денег как особого товара, в теле которого концентрируется экономическое пространство-время, но затем с переходом через знаковую к идеальной форме стоимости, экономическое пространство-время приобретает чистую, идеальную форму. Это есть время, хотя и локализованное в пространстве, представленном товарным миром, но абсолютно подвижное, не связанное ограниченностью пространственных форм, а способное мгновенно изменять свою пространственную локализацию (в условиях кризиса миллиардные состояния моментально перемещаются из континента на континент).

В соответствии с изложенным стоимость представляет собой социально-экономическую форму единства пространства и времени. Это становится понятным только в современном

обществе, где движения стоимостного богатства обособилось от его материально-вещественных форм, но с самого начала время социальной жизнедеятельности человека является пространством его собственного развития. И это прогрессирующее отношение проявляется в разнообразных исторических формах. В конечном счете, все стоит человеку жизни, точнее, времени социальной жизнедеятельности, находящем выражения в разных формах вещественного, деятельного и духовного богатства.

Обобщая сказанное, стоимость можно кратко определить как пространственно локализованное общественно-необходимое время воспроизводства благ, полезность которых превышает предельную. Достоинством предложенной концепции является то, что теоретическое определение стоимости получено на основе обобщения ее реальной истории и истории теоретических взглядов на стоимость. Совпадение в основных моментах актуальной реализации в современном обществе стоимости для индивида и ее развертывание историей человечества свидетельствует об истинном пути. Данная концепция включает и маргинальный подход, и теорию трудовой стоимости. Последняя рассматривается как развивающаяся в социально-временную теорию, которая будет утверждаться по мере отделения времени воспроизводства блага от времени труда.

Исторически взаимодействие двух подходов опирается на определенные предпосылки и условия, которые лежат за собственными пределами этих направлений и не входят в предмет их изучения, но должны быть введены в него как непереносимое условие нового теоретического синтеза. Эти условия, заключающиеся в правилах, нормах, стереотипах и других формах упорядочивания и организации деятельности людей, изучаются институционализмом, который станет основанием нового институционального не(о)классического синтеза и его составляющим элементом.

Маржинализм, трудовая теория стоимости и институционализм внешне проявляются как относительно независимые теоретические течения, различающиеся по предмету анализа и по времени актуализации, но, по сути, они есть лишь тремя сторонами единого процесса познания закономерностей человеческой деятельности. Если маржинализм и все неоклассическое направление опирается на предпосылки рационального поведения субъектов хозяйствования и рационального выбора, без которых эта теория просто не может существовать, но которые она не изучает как свой предмет, то ин-

ституционализм именно такого рода условия делает собственным предметом изучения.

Институционализм является связующим звеном в существовании маржинализма и трудовой теории стоимости в рамках классического направления, исходящегося из институциональных условий свободного рынка. Но он также является связующим звеном в отношении классического (неоклассического) направления и кейнсианства. Ведь кейнсианство вводит в экономическую теорию государство как активный институциональный субъект рыночных отношений (прежде всего посредством фискальной и монетарной политики) и таким образом учитывает изменения в основополагающих институциональных условиях функционирования рынка. Институционализм также выступает опосредствующим звеном во взаимосвязях микро- и макроэкономики. Именно неразработанность этого аспекта проблемы превращает микро- и макроэкономiku в современной теории в обособленные, связанные лишь внешним образом ее части.

Преодоление кризиса экономической теории, порожденного естественным отставанием теоретической мысли от существенных динамичных изменений в реальном глобализирующемся экономическом мире, возможно лишь на основе нового глобального экономического синтеза, впитывающего в себя все многообразие теоретических аспектов анализа предмета, подходов и конструкций, воспроизводящих разные фрагменты глобального экономического пространства-времени, и придающего им новое интегральное качество. Это будет всеобщая теория экономического пространства-времени, разработанная на основе институционального не(о)классического (одновременно неклассического, классического и неоклассического) синтеза, который впитывает в себя предшествующие теории (предельной полезности, трудовой теории стоимости, рационального выбора, совершенной конкуренции, рыночных структур, трансакционных издержек, институциональной эволюции и т. д.) как частные случаи общей теории, базирующейся на институционально обусловленном выборе и институциональной конкуренции.

Таким образом, институциональный империализм, являясь исторической реакцией на

недостаточное внимание к институциональным проблемам в условиях возросшего динамизма экономического развития и имея недостатки, связанные с тенденцией его обособления от собственно экономического анализа, в целом выполняет историческую роль обеспечения теоретического отражения новых условий хозяйствования в содержании экономических процессов.

Литература

1. Яременко О. Л. Переходные процессы в Украине: институциональный аспект. – Х.: Основа, 1997. – 182 с.
2. Полтерович В.М. Элементы теории реформ. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2007. – С.31.
3. Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований / Под ред. д-ра экон. наук А.А.Гриценко. – Х.: Форт, 2008. – С.28-29.
4. Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Предисловие. Карл Полањи – наш современник. – В кн.: «Великая трансформация» Карла Полањи: прошлое, настоящее, будущее. – М.: Изд. дом. ГУ ВШЭ, 2006. – С.11.
5. Лисовицкий В.Н. История экономических учений. – Харьков, ООО «Р.И.Ф.», 2002. – С.222.
6. Белянин А. Даниел Канеман и Вернон Смит: экономический анализ человеческого поведения (Нобелевская премия за чувство реальности) // Вопросы экономики. – 2003. – № 1. – С.21.
7. Рудакова И. Основное течение экономической теории: потенциал и научная критика. // Вопросы экономики. – 2005. – № 9. – С.35.
8. Полтерович В.М. Кризис экономической теории. Доклад на научном семинаре Отделения экономики в ЦЭМИ РАН «Неизвестная экономика» // ЦЭМИ [Электронные издания]. <http://www.cemi.rssi.ru/rus/publicat/e-pubs/d9702t/d9702t.htm>.
9. Гриценко А.А. Развитие форм обмена, стоимости и денег. – К.: Основа, 2005.

Статья поступила в редакцию 25.06.2008